

Василь МАХНО

КУРЫ
НЕ
ЛЕТАЮТ

Проза, эссе

Харьков
«ФОЛНО»
2016

КУРЫ НЕ ЛЕТАЮТ

Было время, когда базарские холмы казались самыми высокими и самыми зелеными. А Джуринку я носил за пазухой, как найденные в траве перепелиные яйца. И дожди приходили к нам, как на Покрова гости. И снега паслись на берегах Джуринки.

Было время, когда заячья губа Горб-долины, чуткое ухо Той Горы и плавник Заводы вместе с перезвонами ведер о колодезные камни, предвечерним ревом коров с ноздрями, облепленными травой, плотным воздухом, который пах коровьим молоком, — протекали сквозь меня, словно весенняя вода Джуринки сквозь снежные запруды по весне. Я ничего еще не понимал, потому что верил пророчествам деда, будто когда-нибудь мы станем курами, муравьями и рыбами, и наша память будет легка, словно воздух родного дома.

Будет время, когда наши куры станут нести белые яйца жизни и смерти — на рождественскую, расстеленную на полу солому; для наших прозрачных слов.

Нью-Йорк

В марте 2013 года я пытался связаться с незнакомым мне Тони Созанским, который живет на 39-й улице в Манхэттене. По моему предположению, он должен был иметь отношение к Фердинанду Респалдизе, полковнику кавалерии, последнему помещику села Базар.

Нью-Йорк отбивался от весенних ветров, а Тони отбивался от меня. Я всего лишь записал на автоответчик просьбу, чтобы

Тони мне ответил. Прошла неделя, и мы с Тони уже разговаривали о семействе Респалдиз, о его отце Эндрю Созанском, проживающем в Оттаве, чей телефон Тони продиктовал мне в конце нашего разговора. Когда очередной дождь заливал улицы Нью-Йорка, я зашел в кафе *Think Coffee* на Четвертой авеню, заказал черный английский чай, отыскал свободное место и, вынув свой лэптоп, начал записывать все известные мне на тот момент подробности.

Все началось с важного для любого европейского закутка 1939 года — времени, когда Респалдиз вышвырнули из их фольварка: парализованного полковника и готовую принять любые вызовы судьбы его супругу Матильду, чьи предки владели базарскими угодами издавна. Это странное экзотическое слово «Респалдиза» я слышал с раннего детства от прадеда Михаила Кардинала, который не дотянул каких-то полтора года до сотни своих сморщенных, как кожа, лет. Он всегда возвращался на фольварк, к коням помещика Респалдизы и к самому помещику Респалдизе, с которым, служа тридцать лет старшим конюхом, сошелся, как могут сойтись хозяин и слуга, шляхтич и крестьянин, с соблюдением соответствующего расстояния и этикета.

Городок или местность Респалдиза находится неподалеку от Бильбао. Слово испанское, что свидетельствует об испанских корнях самого Фердинанда. На том базарском пространстве уничтоженный фольварк, как оказалось, не исчез из памяти. К нему возвращались, когда вспоминали о Польше, о 1939 годе, о Мошке Ашкенази, управляющем фольварка. Даже когда на месте уничтоженного барского дома и всех хозяйственных построек поставили колхозные курятники, которые потом тоже пришли в упадок, а фольварк сравнялся с землей. Мне рассказывали, что возле этих курятников находили толстое цветное стекло, — похоже, что это было запаянное в металлические узоры стекло господских витражей. Что-то все же остается, не только слова и память — нечто уходит глубоко в землю. Респалдизу похоронили на местном кладбище возле часовни помещиков Волянских. После войны, в 1946-м, кажется, году, разрушат также и часовню. Вход в нее будет завален. А через некоторое время истлеет деревянный крест на могиле

Фердинанда Респалдизы, холмик зарастет, сровняется, и все поглотит земля.

Приблизительно через неделю Эндрю Созанский из Оттавы, Анджей, внук Фердинанда Респалдизы, позвонил мне в Нью-Йорк, когда меня не было дома. А еще через два дня я разговаривал с ним, выясняя мелкие детали его родословной, о его деде, о маме Бланке Респалдизе, объясняя ему, кто я и откуда и почему меня интересует Фердинанд Респалдиза. Я не уверен, что убедил Эндрю, которому сейчас 80 лет. Эндрю не помнил ни одного своего приезда в Базар, но сказал, что у него есть какие-то фотографии фольварка и он даже сам составил свое родовое древо. И обещал, что пришлет мне все это на электронную почту.

Базар. Возвращение

В сентябре 2012 года на «шевроле» брата мы ехали к Базару через Язловец, через городок на семи холмах, похожий на подсвечник. Его склоны с лощинами, с паутиной улиц, с башнями и церквями удерживали когда-то границу между Османской империей и Польским королевством. А при выезде на трассу Бучач—Залещики нас сопровождали полки желтой кукурузы, заросли посадки и стаи псов, возникавших из зеленых еще кустов и разнотравья.

К Базару мы подъехали со стороны Буряковки, огибая кучи мусора, которые жители села свозят годами, и выродившийся из-за недосмотра сад. А дорожный знак «Базар» обозначал первый рубеж, за которым лишь память могла справиться со словами. Когда «шевроле» поравнялся с зелеными воротами, за которыми двор, где никто не ходит, и хата, в которой никто не живет, мама, приехавшая также с нами, долго открывала ворота, потому что за время ее отсутствия, как это бывает, заржавел замок; тогда замок рванул я, потом еще долго возились с дверным замком, словно дом на нас обиделся и не хотел впускать. В хате напротив кафельной печи — стол, застеленный клеенкой, видно, что мама заменила ее, потому что старая клеенка всегда была с порезами, с бурыми кружочками от горячих кружек, пятнами. Теперь чисто, на подоконниках — цветы в оберну-

тых фольгой горшочках, их так любила бабушка. Как им перезимовать тут одним? Тот же бамбетль¹, расписанный всегда ярко-красной краской, покупаемой в *железной лавке*. Если была хорошая погода, бамбетль выносили во двор, и он сох себе под солнцем. Буфет, сделанный старым Шабатом, с прилаженными косо-криво дверцами, их всегда было неудобно закрывать. Под зеркалом — небольшой, вышитый толстыми цветными нитками, когда-то купленными у Параски Крилевой, которая получала посылки из Америки, — карман для расчесок, а иголки с нитками были воткнуты в вышивку.

Некоторые из этих предметов, нашедших для себя в моей памяти некий удобный закуток, да еще фотоснимок деда, домотканое полотно — эти предметы, от которых не избавились, знакомы мне с детства. Яблони засохли, сливы перевелись вместе с кустами малины и красной смородины, камни на старом погребке поглотило молчание. Зачем-то стоит еще во дворе штабель кирпича, хрупкий и поросший зеленым лишаем, так, словно кто-то станет из него что-нибудь строить. Нет тех хозяев, которые покупали кирпич, и нет тех каменщиков, которые должны были из него что-то возводить.

В мае 2010 года из этой хаты и с этого двора повезли на кладбище 87-летнюю бабушку Анну, и все права на хату, подворье, огород, на эти камни и кирпич с лишаем — перешли к моей маме. Когда жила тут бабушка, цвел по окрестностям табак, рос чеснок и лук, червивые яблоки догнивали в картофельной ботве, а спелые сливы дышали золотым ароматом меда. Джуринка звенела — и рыба, ударяясь плавниками о ее берега, перелетала волны, словно осенние куры проселочную дорогу. И двор знал, зачем он держит на себе кирпич, и кирпич знал, для чего он предназначен, и картошка знала, когда ей цвести, и табак знал, когда его будут ломать, и хата знала, когда ее станут белить, и железо на крыше знало, когда его начнут красить, и камни знали, когда их будут собирать. И я знал, где и кто меня ждет, потому что не знал еще Нью-Йорка, а Нью-

¹ *Бамбетль*, или *бамбетель* (от нем. Bankbettel) — раскладушка-кровать для сна, складывается и для сиденья. Одновременно выполняла также функцию сундука.

Йорк не знал меня — и как-то мы друг без друга обходились. На огородах люди копали картошку, а из школы возвращались ученики — не много, каких-нибудь четверо ребят в спортивных костюмах.

Почему я так давно не был тут, что даже Джуринка изменила цвет своей воды и глаза мои постарели?

Базар. История

Теперь, когда я перечитал газеты, выходявшие во Львове и Тернополе во времена Австрии и Польши, разнообразные свидетельства украинцев, поляков, евреев и турок, просмотрел сотни фотоснимков, кадры хроники разных лет в Ютубе, пришло мне в голову, что история села Базар может быть написана в четырех книгах, словно это четыре времени года — весна, лето, осень и зима, словно четыре Евангелия, в которых сакральность и быт, божественное и человеческое переплетены, прочно связаны. Каждый из выбранных мной повествователей рассказал бы свою историю, по-своему бы определил принадлежность базарских холмов к истории, своим языком выразил бы печали и сетования. Они стояли бы на разных концах села — Павшовском, Криволуцком, Язловецком и Буряковском, — я хотел бы, чтобы они сошлись и услышали друг друга.

Для меня особенно интересной страницей базарского бытования, его своеобразной исторической метафизикой было открытие в столь неровной истории Базара — османского периода, который зафиксирован единственным упоминанием сел и местечек Подолья в турецкой переписи, проведенной для нужд турецкой администрации, находившейся в Каменце-Подольском.

Согласно Бучацкому мирному договору 1672 года, Османская империя в 1672—1683 годах имела в Язловце границу с поляками, и почти одиннадцать лет урядники Мехмеда IV собирали дань, руководствуясь этой подробной переписью имущества и населения, а по базарским холмам гарцевали хорошо вооруженные янычары, оставляя навечно в местном генотипе косой разрез глаз и табачный оттенок кожи. Почему-то